

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.11

А.М. КУРЫШОВ

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253.5)

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА ЭВЕНКОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья посвящена процессам изменения традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья в XVII – начале XX вв. Рассматриваются предварительные условия объективного по отношению к системе традиционного хозяйства характера, которые сделали возможной такую ее трансформацию, которая привела на рубеже XIX–XX вв. к угрозе ассимиляции эвенков соседними народами. Делается вывод о том, что такими условиями стали влияние хозяйственных традиций русских и бурят, незаконченность этногенеза эвенков, колониальная политика российского правительства и развитие капиталистических отношений в Сибири (в XIX – начале XX вв.).

Ключевые слова: Прибайкалье, эвенки, традиционное хозяйство, присоединение Сибири к России, трансформация традиционного хозяйства.

A.M. KURYSHOV

TO THE QUESTION OF FACTORS OF TRANSFORMATION OF TRADITIONAL ECONOMY'S SYSTEM OF THE PRYBAYKAL EVENKS IN THE XVII — EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to the processes of changing the traditional economy of the Evenks Pribaikalye in the XVII – early XX centuries. Objective preconditions are considered which made possible the transformation of the traditional economy, which led to the threat of assimilation of Evenks by neighboring peoples at the turn of the XIX–XX centuries. It is concluded that the conditions were influenced by the economic traditions of the Russians and the Buryats, the incompleteness of the Evenk ethnogenesis, the colonial policy of the Russian government and the development of capitalist relations in Siberia (in the XIX – early XX centuries).

Keywords: Pribaikalye, Evenks, traditional economy, Russian conquest of Siberia, transformation of traditional economy.

Вопрос о трансформации традиционного хозяйства эвенков (тунгусов) Прибайкалья, наблюдаемой в XVII — начале XX вв., тесно связан с проблемой физического сохранения этого этноса. Впрочем, как и любого другого, — мы исходим из той позиции, что традиционное хозяйство является важным признаком идентификации этноса, а его эволюция

есть одна из важнейших детерминант этногенеза. Это справедливо по меньшей мере для того этапа развития человеческих общностей, когда они, находясь на относительно невысоком уровне технологического развития, не могли серьезно влиять на окружающую среду, а вынуждены были сами приспосабливаться к ней. В связи с этим изучение механизма трансформации традиционного хозяйства представляет собой большое значение для осмысления процессов развития этноса.

Здесь необходимо немного отвлечься от основной темы и определить некоторые термины, используемые автором, и методологические принципы, ставшие базисом настоящей работы. Во-первых, под *традиционным хозяйством* мы понимаем не простую совокупность хозяйственных традиций, например, технологий добывания и приготовления пищи, пошива одежды, использования тех или иных орудий труда и т.п., которая характеризует ту или иную «историко-культурную область», и даже не т.н. «хозяйственно-культурный тип», т.е. комплекс особенностей материальной и духовной культуры, исторически сложившийся под влиянием естественно-географических условий (т.е., по сути, ту же совокупность хозяйственных традиций, но «освященной» особым «способом производства»), как принято в этнографии. Не близко нам и понимание «традиционной экономики» как этапа хозяйственной эволюции или «отсталой» формы хозяйства в трактовке многих экономистов.

В обоих случаях традиционное хозяйство рассматривается как статическая модель, вне контекста одновременно эпохи и общества, частью которых оно является. Мы предлагаем рассматривать традиционное общество как систему, т.е. динамическую модель, элементами которой выступают хозяйственные традиции населения, а системообразующим фактором — зависимость способа природопользования от окружающей среды. Способ природопользования в данном случае — это комплекс методов извлечения из природы тех материальных ресурсов, которые используются для поддержания физического существования общности: различные виды собирательства, охоты, животноводства и растениеводства. Структуру системы, т.е. связи между элементами, определяют следующие общественные отношения: приспособление хозяйственной деятельности под окружающие природные условия (цель — удовлетворение потребностей, а не потребление благ само по себе); натуральный характер хозяйства (цель — воспроизводство населения, а не перманентный рост благосостояния сам по себе); примат общественных экономических интересов над индивидуальными (цель — ограничение проявления индивидуализма, поскольку он противостоит интересам общества в целом); комплекс экологических традиций (цель — разумное использование природных ресурсов в интересах физического сохранения общности). Во-вторых, под *трансформацией традиционного хозяйства* мы

понимаем не революцию, не смену «способа производства», не переход его на новый, более «высокий» уровень, не превращение его в некую новую систему, а эволюцию (не обязательно связанную с технологическим прогрессом) имеющейся системы. При смене внешних условий (изменение окружающей среды (в результате природных катаклизмов или смены ландшафта в ходе массовых миграций), критические колебания численности популяции (в результате эпидемий или вооруженных конфликтов), влияние соседей и т.п.) система традиционного хозяйства также изменяется, эволюционирует, — трансформируется способ природопользования, но сохраняется структура (т.е. выше перечисленные типы связей). Однако если рядом с этнической группой оказываются гораздо более многочисленные соседи с таким же способом природопользования, это может повлечь за собой ассимиляцию искомой этнической общности. Именно так некоторые территориальные группы прибайкальских эвенков исчезли на глазах исследователей на рубеже XIX–XX столетий, смешавшись с бурятами, якутами и русскими. При трансформации внутренней структуры (что обязательно связано с изменением целеполагания экономической деятельности) система некоторое время может существовать, но только до тех пор, пока сохраняется зависимость способа природопользования от окружающей среды. Затем она неизменно разрушается, а этнос — ее носитель — теряет важнейший фактор своей самоидентификации. Именно это грозило эвенкам в связи с переходом их территориальных групп на товарное хозяйство.

Возвращаясь к предмету нашей работы необходимо заметить, что вопросы, связанные с изменениями хозяйственных традиций прибайкальских эвенков, не раз и не два освещались как в специальных, так и в обобщенных трудах специалистов-исследователей (имеются в виду не сугубо описательные работы — таких довольно много, — а те, в которых получают развитие и теоретические идеи) — С.К. Патканов [21; 22; 23], С.М. Широкогоров [40], Б.О. Долгих [12], Г.М. Василевич [3], В.А. Туголукова [36], М. Г. Турова [38], А. С. Шубина [41], М.В. Рагулиной [25], А.А. Сириной [33; 34] и многих других, подробно рассмотревших направления, масштабы, территориальную специфику, причины и последствия этих изменений. Однако, во-первых, исходя из предложенной модели, мы должны рассматривать не развитие (варианты — появление, исчезновение) тех или иных хозяйственных традиций самих по себе, а трансформацию традиционного хозяйства в контексте *изменения системы*, т.е. — либо изменения способа (способов) природопользования, либо — изменения структуры традиционного хозяйства. Во-вторых, нас интересуют *предпосылки* таких изменений, т.е. предварительные условия, которые и сделали возможной трансформацию традиционного хозяйства, повлияли на ее начало самим фактом своего наличия (в отличие от

причин, которые сделали такую трансформацию неизбежной). Выявление этих предпосылок относительно традиционного хозяйства прибайкальских эвенков, несмотря на их немногочисленность (в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. проживало лишь 3,04 % российских тунгусов [рассчитано по: 31, с. 29–30]), может быть одной из основ для научного анализа подобных процессов, наблюдаемых в других группах эвенкийского (и не только) населения, поскольку прибайкальские территориальные группы эвенков сильно отличались друг от друга по способам природопользования, которые могут рассматриваться в качестве типичных для коренного населения Сибири.

Эвенки в момент появления русских в Восточной Сибири (начало XVII в.) занимали обширные пространства, являясь самым широко расселившимся по Сибири народом. В частности, в Прибайкалье (территория современной Иркутской области) они жили на среднем течении Верхней Тунгуски (Ангары), в верховьях Лены, Нижней Тунгуски и Подкаменной Тунгуски, на побережье Байкала, в Тункинской долине и по восточным предгорьям Саян. Буряты в это время только начинали заселять этой край, занимая вкраплениями степные и лесостепные районы вдоль Ангары и между верхней Ангарой и верхней Леной, на севере доходя до современного Братска [11, с. 80–81 (карта)]. Уже тогда отдельные группы эвенков (тунгусов), имея четко очерченные территориальные границы «родов» (насколько тунгусский «род» соответствует укоренившемуся в науке пониманию этого термина — отдельный вопрос), сильно отличались друг от друга хозяйственным укладом [19, с. 256–257]. Лишь часть из них были таежными охотниками-оленоводами («оленные» тунгусы), — у отдельных групп был распространен пушной промысел (с использованием оленя как ездового животного), разведение лошадей и крупного рогатого скота (у «конных» и «скотных» тунгусов на верхней Лене), рыболовство и звероловство (у «пеших» ангарских тунгусов, живущих по соседству с бурятами) [Там же, с. 257–258].

Таким образом, уже для XVII в. мы отмечаем два важных факта: 1) территориальные группы прибайкальских эвенков различались по способу природопользования; 2) пушной промысел, не имеющий отношения к традиционному хозяйству как к таковому (поскольку прямо не связан с необходимостью физического сохранения этноса и является признаком товарного хозяйства), уже получил распространение у эвенков. Пушной промысел был обусловлен торговыми связями эвенков с бурятами — те предоставляли тунгусам за соболя просо и гречиху [19, с. 265]. Скорее всего, это было характерно для тунгусских групп, постепенно ассимилируемых бурятами на юге Предбайкалья и не было широко распространенным явлением. Что касается наличия у тунгусов скотоводства, то этот факт, по-видимому, следует признать следствием

приспособления территориальных групп к конкретным условиям окружающей среды (они это в Прибайкалье позволяли — здесь наблюдается большое разнообразие ландшафтных зон) под влиянием либо соседей-бурят, к XVII в. прочно закрепившихся в Приангарье и на верхней Лене и составивших сформировавшийся народ, либо древних хозяйственных традиций, сохранившихся у эвенков от их предков (если принять к сведению гипотезу о происхождении тунгусов с Приамурья или из Забайкалья). Дискуссионным остается вопрос о том, насколько у прибайкальских групп эвенков было развито оленеводство. Среди исследователей XIX — начала XX вв. бытовало мнение, оленеводство — это характерная черта эвенков (в том числе — прибайкальских), а безоленные тунгусы — это обедневшие представители эвенкийских родов. А.П. Окладников, вслед за С.К. Паткановым, подверг этот тезис критике, считая, что «пешие» тунгусы — это не деградировавшие оленеводы, а носители иной, более древней, чем оленеводческая, хозяйственной традиции [19, с. 258]. Г.М. Василевич, как нам представляется, убедительно доказала, что у западных тунгусов (и прибайкальских — в частности) оленеводство («эвенкийский» его тип, по терминологии Г.М. Василевич) распространилось уже после того, как они, будучи пешими охотниками и рыболовами, заселили тайгу [2, с. 7]. Таким образом, русские, познакомившись в Прибайкалье с тунгусами в XVII в., застали тот момент, когда у них происходила смена способа природопользования — из преимущественно пеших охотников и рыболовов (помнящих еще коневодческую и скотоводческую традицию своих то ли забайкальских, то ли приамурских предков), они превращались в оленеводов. Под чьим влиянием произошла эта трансформация — восточных соседей и родственников ороченов или саянских самодийцев, как доказывал С.И. Вайнштейн [1] — это уже другой вопрос. Важно, что освоение тунгусами огромных таежных пространств вряд ли было бы возможно, если бы они оставались пешими охотниками и рыболовами.

Предварительные условия перехода западных эвенков к оленеводству в тайге и коневодству и скотоводству в степных и лесостепных зонах Прибайкалья, наблюдаемого в XVII в., сводятся к двум моментам. Первый момент — это влияние соседних этнических групп: в плане оленеводства — восточных эвенков, которые некоторыми исследователями для XVII–XVIII столетий, когда эвенкийский народ еще не сложился окончательно, идентифицируются как отдельный этнос [см., напр., 20] и/или самодийских саянских этнических общностей, в плане скотоводства и коневодства — бурят. При этом нельзя исключить, что новоявленными оленеводами становились не собственно тунгусы, а некие местные коренные группы, постепенно перенявшие язык и хозяйственные традиции пришельцев; пока невозможно установить, являлись ли «тунгусы»,

известные русским в XVII столетии, «тунгусами» несколькими десятилетиями ранее (в этом смысле показателен пример кетов-асанов, которые были поглощены тунгусами на глазах первых русских землепроходцев [35, с. 131]). Второй момент — это аморфность эвенкийской общности вообще и той ее части, которая населяла Прибайкалье. Отмечается, что русские, осваивавшие Восточную Сибирь, не называли всех жителей тайги, ныне именуемых эвенками, «тунгусами», предпочитая использовать «родовые» именованья (налягиры, шилиагиры, шамагиры и т.п.), при этом различия хозяйственного уклада увязывались с различиями этническими [19, с. 258]. Уже в XX столетии у эвенков еще не было ни общего самоназвания, ни общего языка (три наречия, 15 диалектов, 50 говоров) [13, с. 99]. По мнению авторитетного ученого, специалиста по истории и хозяйству эвенков М.Г. Турова говорить о сложившемся эвенкийском народе можно лишь для 90-х гг. XX столетия [37, с. 255–256]. Слабая степень этнической консолидации эвенков, на наш взгляд, в том числе была следствием отсутствия характерного хозяйственного уклада, что облегчало трансформацию традиционного хозяйства.

В XVIII столетии прибайкальские эвенки фиксируются в целом в тех же районах, что и ранее, однако значительную часть их прежних земель уже занята бурятами (почти вся Тункинская долина, восточные предгорья Саян, западный берег Байкала), а к концу этого столетия тунгусские земли стали уже островками среди земель русских и бурятских, лишь на севере региона охватывая значительные и очень малонаселенные территории. И.Г. Георги, исследовавший эвенков во второй половине XVIII в., отмечает достаточно условное разделение тунгусов по роду их занятий на «степных» и «лесных», а «лесных» — на «оленоводствующих», «звероловствующих» и «рыбную ловлю производящих», замечая, что также они могут быть разделены на «конных» (надо думать — соответствующих «степным» в предыдущей классификации), «оленьих» и «собачьих» (к последним относятся звероловы и рыболовы) [4, с. 39], при этом замечает, что тунгусы-звероловы и тунгусы-рыболовы — суть одни и те же люди: летом они ловят рыбу, а зимой бьют зверя. Определяя места проживания «оленьих» тунгусов, И.Г. Георги не называет Приангарье, верхнюю Лену или западный берег Байкала, помещая их восточнее этого района, о «конных» сообщает, что они живут в забайкальских степях, считая, видимо, таким образом приангарских и верхнеленских тунгусов звероловами и рыболовами. Впрочем, такие тунгусы могли иметь и небольшое число оленей: если зверолов-тунгус богател, то он заводил оленей, а обедневший оленевод, наоборот, становился исключительно звероловом и рыболовом [4, с. 40, 42]. Такой тип оленеводства Г.М. Василевич назвала «эвенкийским», он характеризовался использованием оленя почти исключительно как вьючного

животного и небольшими оленьими стадами (при этом на зиму оленя отпускали в тайгу), оленеводство в этом случае подчинялось нуждам охоты [2, с. 4]. Однако оленеводами «эвенкийского» типа, надо думать, становились не все тунгусы. Уже в это время какая-то часть приангарских и верхнеленских тунгусов по-видимому начинает оседать в русских селениях [36, с. 138], заводит коров и лошадей и переходит на пушную специализацию — пушшиной платился ясак. Некоторые тунгусы вовсе забрасывают охоту, занимаясь земледелием и скотоводством [39, с. 637] и предпочитая выменивать пушнину у своих охотящихся соплеменников [36, с. 138–139]. Не последнюю роль в процессе хозяйственной, а потом и этнической ассимиляции прибайкальских эвенков соседями-бурятами играла, судя по всему, ясачная политика русских властей, — стремясь уйти от тяжелого ясака, тунгусы причисляли сами себя к бурятам, для которых ясак был в пять раз меньшим [Там же, с. 130].

Таким образом, для XVIII столетия мы отмечаем следующие факты: 1) сохраняется дифференциация различных этнических групп прибайкальских эвенков по способу природопользования, но теперь она, во-первых, носит более или менее четкий «географический» характер — северные прибайкальские группы (верховья Нижней Тунгуски, течение Лены севернее Усть-Кута) занимаются охотой и оленеводством (имеющим второстепенный характер), а южные (верховья Лены, Прилимье), переходят на характерное для соседей (русских и бурят) хозяйство, во-вторых — характеризуется распространением у некоторых групп эвенков нового способа природопользования — земледелия (в принципе, для эвенков вообще знакомого — еще в XVII столетии земледелием занимались некоторые «роды» «сидячих» тунгусов на Дальнем Востоке [19, с. 257]); 2) активизируется пушной промысел, что связано с систематизацией процесса сбора ясака, причем фиксируется формирующаяся тенденция специализации отдельных эвенкийских хозяйств только на охоте на пушного зверя.

Предпосылки новых черт трансформации традиционного хозяйства эвенков — переходе некоторых групп к земледелию и специализации на пушном промысле — следует искать во все более заметном влиянии хозяйства русского населения и ясачной политике российского правительства. К началу XVIII в. один из двух прибайкальских уездов — Илимский (включавший большую часть территории современной Иркутской области — вплоть до Верхоленска и Балаганска) — стал первым уездом в Восточной Сибири, в котором преобладало русское население [39, с. 609], растет русское население и на юге Приангарья, государственная власть берет под контроль пушную торговлю, косвенно способствуя самоликвидации у тунгусов коллективных форм организации труда и ори-

ентируя их на индивидуальную охоту на пушного зверя, — все это стало комплексом условий, способствующих дальнейшей трансформации системы эвенкийского традиционного хозяйства.

В течение XIX — начала XX столетий территория расселения тунгусов в Прибайкалье, как и их численность, неизменно сокращается, причинами чего стали не только распространение неведомых ранее туземцам болезней [14, с. 88], но и перекочевки тунгусов в более северные районы (территории современных Республики Якутия (Саха) и Красноярского края) [36, с. 140]. Иногда, впрочем, лица, подсчитывающие количество тунгусов, не могли этого сделать по факту, поскольку значительная часть их подопечных бродила по лесам в поисках зверя [27, л. 14]. К концу XIX в. тунгусы проживали во всех округах Иркутской губернии — Киренском, Верхоленском, Иркутском, Нижнеудинском и Балаганском, но расселение их имело дисперсный характер, некоторые группы — очеульская, тутурская, голоустинская, малобельская, тункинская, ольхонская — были очень малочисленны [9, л. 218; 17, л. 29; 16, с. 96–97]. По данным переписи 1897 г., на территории Иркутской губернии проживало всего 2017 тунгусов (0,39 % численности населения губернии, 3,04 % тунгусского населения Российской империи), из них в Киренском округе — 1289 человек, Верхоленском — 578, Иркутском — 141, Балаганском — 7 и Нижнеудинском — 2 [24, с. 59]. По данным С. Патканова в Иркутской губернии проживал 2191 тунгус [21, с. 114].

Трансформация традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья в этот период выражалась в развитии ранее наметившихся тенденций с той разницей, что она приобрела угрожающие для этноса масштабы. Исследователи XIX столетия отмечают, что основным занятием прибайкальских (ангарских, илимских, верхнеленских) эвенков была охота, но помимо нее большую роль играли собирательство и рыболовство (то есть хозяйство имело комплексный характер), при этом большую роль в хозяйстве играли олени, используемые как транспортное средство при передвижении в поисках промыслового зверя. Эта усредненная характеристика эвенкийского хозяйства, однако, приобретает несколько иные черты при знакомстве со статистическим материалом. Так, в 1816 г. (тогда губерния состояла только из двух уездов — Иркутского и Киренского (в который вошла большая часть бывшего Илимского уезда)) из 1098 тунгусов мужского пола Иркутского уезда 120 (тункинские и тутурские) занимались земледелием, а все 1054 тунгуса мужского пола Киренского уезда сочетали занятия скотоводством и звероловством [28, л. 123] (впрочем, под «скотоводством» последних скорее всего понималось оленеводство). С 1822 г. согласно «Уставу об управлении инородцами» все «инородцы» делились на «оседлых» (земледельцев), «кочующих» (скотоводов) и «бродячих» (охотников и рыболовов), эти специализа-

ции получили официальные характеристики. Среди тунгусов в статистических сведениях упоминаются и «бродячие», и «кочующие», причем «бродячие» тунгусы имели оленей, поскольку охота требовала их использование. «Кочующие» же тунгусы также продолжали заниматься охотой, но жили полуседло, занимались немного земледелием, немного скотоводством, в отличие от своих «бродячих» соплеменников, охотились исключительно на пушного зверя. В 1827 г. у «кочующих» ангарских тунгусов засеяно 3 десятины на 36 душ, у тунгусов «верхнеилимских» — 2,5 десятины на 31 душу [29, л. 163–164]. Немного, но показательно. В 1831 г. у очеульских тунгусов, считавшихся звероловами, 50 юрт из 170 были деревянными [6, л. 162а], а в 1867 г. они имели уже 158 деревянных юрт и 27 жилых деревянных домов [8, л. 16] и вообще, как и их соседи тутурцы, вели полуседлый образ жизни, занимаясь, помимо охоты (с использованием оленей) и разведением коров и лошадей [7, л. 10; 8, л. 17; 14, с. 89]. В середине XIX в. фиксируются факты разведения лошадей тунгусами северной киренско-хандинской группы — в 1865 г. «бродячие» тунгусы здесь имели 675 оленей и 10 лошадей [5, л. 410–411]. В 1880 г. на 279 тунгусов другой северной — кондогирской — группы приходилось 668 оленей, 8 лошадей и 11 голов крупного рогатого скота [33, с. 47]. В 1882 г. у илимских тунгусов было 108 десятин пашни [10, л. 4], хотя жили они, конечно, не хлебопашеством, а теми продуктами, которые покупали у крестьян Нижнеилимской и Киренской волостей, рассчитываясь с ними пушниной и звериными шкурами [10, л. 11]. «Кочующие» илимские тунгусы разводили коров, лошадей, овец, свиней, а «бродячие» держали оленей, причем «кочующих» было больше, чем «бродячих» — 60 % [рассчитано по: 10, л. 13–14]. Вообще, на протяжении всего XIX столетия удельный вес «кочевых» тунгусов на юге Прибайкалья увеличивается, а «бродячих» — сокращается. К концу XIX в. в Киренском (самом северном) уезде Иркутской губернии оседлые тунгусы были даже в самых отдаленных курейской и кондогирской группах [30, л. 133]. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. в Иркутской губернии земледелием занимались 227 тунгусов (12,4 %), животноводством — 122 (6,67 %), рыболовством и охотой — 1481 (80,93 %) [рассчитано по: 31, с. 34], однако, как мы помним, даже «охотники и рыболовы» на самом деле вели комплексное хозяйство. К концу XIX столетия очеульские и тутурские звенки, ранее не занимавшиеся хлебопашеством, начинают приобщаться к земледелию [35, с. 16]. Занимались земледелием даже отдельные хозяйства курейских тунгусов [33, с. 48]. В 1901 г. тунгусы Зогинского стойбища Кудинского (бурятского) ведомства — 32 мужчины и 34 женщины — занимаясь «зверопромышленностью», держали 17 голов крупного рогатого скота, 10 голов мелкого рогатого скота и 20 лошадей, а их соседи из Кочергинского стойбища Чинканова рода на 8 мужчин и

9 женщин — 4 коровы и 3 лошади [18, л. 79 об. — 80, 82 об.]. Интересно, что в этом случае не упоминаются среди скота олени, и это показательно: кудинские тунгусы — это одна из тех южных прибайкальских групп, которая вскоре исчезнет, растворившись среди бурятского населения. Такая же судьба постигла и тунгусов Илгинской волости (верхняя Лена), только они растворились среди русских (как и илимские тунгусы). О них в 1908 сообщается, что среди них «бродячих» нет (все — «кочующие»), оленей не имеют, держат лошадей и коров, живут оседло [26, л. 36].

Таким образом, в течение XIX — начала XX вв. мы наблюдаем: 1) в южных группах прибайкальских эвенков (тункинской, малобельской, кудинской, очеульской, тутурской, голоустинской, китойской) — интенсификацию скотоводства (что приведет к слиянию местных тунгусов с окружающими их бурятами, хотя тенденция эта наметилась уже в XIX в. [16, с. 57]); у илимских тунгусов — развитие земледелия и скотоводства (что приведет к их слиянию с русским населением); в северных группах (курейской, кандогирской, киренско-хандинской) у «кочующих» тунгусов — распространение полуоседлого и оседлого образа жизни в связи с началом распространения практики разведения лошадей и крупного рогатого скота; 2) в северных группах и у илимских тунгусов — поголовное распространение пушной охоты в ущерб промысловой (причем с этим связано, как доказал М.Г. Туров, возрастание роли транспортного оленеводства и, соответственно, распространение «бродяжничества» [38, с. 162]). Подробно о трансформации традиционного хозяйства эвенков в этот период автор этих строк уже писал [15], сейчас же нас больше интересуют предпосылки такой трансформации.

Главным предварительным ее условием, помимо уже названных влияния хозяйственных традиций бурятского и русского населения, государственной политики, опосредованно подталкивающей эвенков к интенсификации пушного промысла, и аморфность эвенков как этнической общности, стало, по-видимому, распространение в Российской империи капиталистических отношений. Именно эти отношения, проникшие и в Сибирь, в тело традиционного хозяйства, создавали почву для того, чтобы эвенки, выросшие в тайге, забрасывали продовольственную охоту и, переходя на пушной промысел, подчистую выбивали соболя, белку, горностаю, чтобы потом, в силу оскудения тайги, расширять территории систематических перекочевок или переходить к хозяйственной деятельности, характерной для соседей — русских и бурят. Именно эти отношения приводили к тому, что значительная часть тунгусов оказалась в заложниках у «покрутчиков» и готова была душу продать за бутылку «огненной воды», что катастрофично сказывалось на численности тунгусского населения. Именно эти отношения приводили к тому, что природный ареал расселения тунгусов неуклонно сокращался из-за хозяйственной

деятельности как Российского государства, так и русского и бурятского населения, смотревшего на тунгусов и их земли исключительно как на источник прибыли. В этом смысле показательна такая иллюстрация начала XX в. На ежегодную Ербогаченскую ярмарку (Преображенская волость Киренского уезда, север Иркутской губернии, один из немногих в губернии районов, где тунгусы еще составляли значительную долю населения) прибыл пристав и запретил продажу водки. В результате упали продажи пушного зверя (тунгусы не хотели продавать шкурки даже по цене выше средней, поскольку не могли купить водку). В этой же волости власти пытались склонить местное население к постройке школы. «Иностранцы» выступили «за», а русские крестьяне — против (они боялись, что став грамотными, тунгусы не позволят обманывать себя на торгах) [32]. Вот такой капитализм по-сибирски.

Подводя итог сказанному, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Трансформация традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья была перманентным процессом, а рубеж XIX–XX вв., ознаменованный зафиксированным исследователями кризисом традиционного эвенкийского хозяйственного уклада был лишь началом ее завершающей стадии.

2. Важнейшие предпосылки трансформации традиционного хозяйства эвенков сводятся к влиянию хозяйственных традиций пришлого по отношению к эвенкам бурятского и русского населения, более многочисленного и этнически консолидированного, в то время как эвенки, напротив, были далеки от финальной стадии этногенеза, и экономической политике Российского государства, подчинявшегося объективным законам социально-экономического развития (в силу чего оно относилось к Сибири как к колонии и не могло препятствовать проникновению в туземную среду капиталистических отношений).

3. Означенные условия создали почву для трансформации традиционного хозяйства не только в сторону изменения способов природопользования, но и в направлении слома внутренней структуры системы, что сделало угрозу ассимиляции еще не сложившегося этноса неизбежной.

Список использованной литературы и источников

1. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (II. Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии) / С. И. Вайнштейн // Советская этнография. — 1975. — № 5. — С. 37–52.

2. Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) / Г. М. Василевич / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август 1964 г. — Москва : Наука, 1964. — 12 с.

3. Василевич Г. М. Эвенки : Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в) / Г. М. Василевич. — Ленинград : Наука, 1969. — 304 с.
4. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3: Семоядские, Манджурские и Восточно-Сибирские народы / И. Г. Георги. — Санкт-Петербург, 1777. — 116 с.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 24 (Главное управление Восточной Сибири). — Оп. 9. — Д. 187.
6. ГАИО. Ф. 148 (Очеульская тунгусская инородная управа). — Оп. 1. — Д. 5.
7. ГАИО. — Ф. 148. — Оп. 1. — Д. 20.
8. ГАИО. — Ф. 148. — Оп. 1. — Д. 41.
9. ГАИО. — Ф. 171 (Заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии). — Оп. 1. — Д. 7.
10. ГАИО. — Ф. 461 (Нижнеилимская инородная управа). — Оп. 2. — Д. 13.
11. Долгих Б. О. Расселение народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих // Советская этнография. — 1952. — № 3. — С. 76–84.
12. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — 622 с.
13. Ермолова Н. В. Эвенки: проблема этнических различий и локальных групп / Н. В. Ермолова // Этносы и этнические процессы. — Москва : Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1993. — С. 97–106.
14. Кларк П. Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе / П. Кларк // Записки Сибирского отдела РГО. Кн. VI. — Иркутск : Тип. штаба войск, 1863. — С. 87–96.
15. Курышов А. М. Изменение способа природопользования у эвенков Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий как направление модернизации традиционного хозяйства / А. М. Курышов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 134–144.
16. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. II. — Вып. II. — Москва: Тип. В.В. Исленьева, 1890. — 343 с. — С. 96–97.
17. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). — Ф. 4 (Верхоленская степная дума). — Оп. 1. — Д. 1908.
18. НАРБ. — Ф. 13 (Кудинская инородная управа). — Оп. 1. — Д. 359.
19. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. — Ленинград : Соцэкгиз. Ленингр. отд.-ние, 1937. — 424 с.
20. Павлинская Л. Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия / Л. Р. Павлинская // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). — Санкт-Петербург, 1999. — С. 165–271
21. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I: Тунгусы собственно / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург, 1906. — Вып. 1. — 175 с.
22. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на

основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I: Тунгусы собственно / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург, 1906. — Вып. 2. — 283 с.

23. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. II: Прочие тунгусские племена / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург, 1906. — 206 с.

24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV: Иркутская губерния. — СПб. : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. — 171 с. — С. 59.

25. Рагулина М. В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М. В. Рагулина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. — 164 с.

26. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 1110.

27. РГИА. — Ф. 573 (Департамент окладных сборов Министерства финансов). — Оп. 1. — Д. 1155.

28. РГИА. — Ф. 1264 (Первый Сибирский комитет). — Оп. 1. — Д. 265.

29. РГИА. — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 715.

30. РГИА. — Ф. 1291 (Земский отдел Министерства внутренних дел). — Оп. 84. — Д. 15в.

31. Серебренников И. И. Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк) / И. И. Серебренников. — Иркутск, 1913. — 48 с.

32. Сибирь. — 1911. — № 294 (30 декабря). — С. 2. — (Без подп.).

33. Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке : Расселение, организация среды жизнедеятельности / А. А. Сирина. — Москва : Наука, 1995. — 200 с.

34. Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире : Самосознание, природопользование, мировоззрение / А. А. Сирина. — Москва : Восточная литература, 2012. — 604 с.

35. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. — Москва : Наука, 1985. — 284 с.

36. Туголуков В. А. Эвенки / В. А. Туголуков // Этническая история народов Севера / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. — Москва : Наука, 1982. — С. 129–154.

37. Туров М. Г. Проблемы исторической прародины северных тунгусов и этногенеза эвенков / М. Г. Туров // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2013. — № 1 (2). — С. 244–258.

38. Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. (Принципы освоения угодий) / М. Г. Туров. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 176 с.

39. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. II: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — 673 с.

40. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С. М. Широкогоров. — Москва : Наука — Восточная литература, 2017. — 710 с.

41. Шубин А. С. Эвенки Прибайкалья / А. С. Шубин. — Улан-Удэ : Бэлиг, 2001. — 116 с.

Информация об авторе

Курышов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, of the Department of International Relations and Custom, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.